М. А. Воронкина

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ КАК РЕЛИКТОВЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ШАМАНСКОЙ ПРАКТИКИ В ПАМЯТНИКАХ ЖРЕЧЕСКОГО КУЛЬТА (НА МАТЕРИАЛЕ «РИГВЕДЫ» И СИБИРСКОГО ШАМАНИЗМА)

В работе текст памятника развитого жреческого политеистического культа рассматривается как манифестация ритуальной вербальной практики, сохранившей проявления архаической шаманской сакральной деятельности. Исследование осуществлялось на языковом материале «Ригведы» — корпуса древнейших текстов, генетически восходящих ко времени праиндоевропейского единства и в ряде черт типологически близких евразийскому шаманизму. В фокусе внимания оказывается коммуникативный характер речевой деятельности шамана — наделенного особыми способностями представителя сообщества, который вступает в вербальное взаимодействие с миром духов. Предмет исследования составляют вопросительные речевые акты, которые предстают одним из важных элементов шаманской обрядности. Актуальность исследования обусловлена существенным влиянием шаманизма на становление современной культуры.

Достижению цели способствовало решение таких исследовательских задач, как описание и анализ разных типов вопросительных речевых актов «Ригведы», а также выявление их коммуникативных интенций в контексте гимна и связанной с ним ритуальной практики.

В работе функциональный анализ вопросительных речевых актов продуктивно дополняется привлечением методов и данных таких дисциплин, как коммуникативистика, прагмалингвистика, история, этнография, религиоведение. Методы лингвистического наблюдения и описания, контекстуального и статистического анализа, фонематические, синтаксические и семантические наблюдения дополнены компаративистским анализом изданного обрядового материала сибирского шаманизма. В работе находит применение и историко-генетический анализ текста «Ригведы». Выявление разных по времени напластований памятника позволяет точнее установить прагматику принадлежащих им вопросов.

Автор приходит к выводу о том, что как в шаманской практике, так и в ведийских гимнах вопросы выполняют основные функции коммуникации: сообщение, общение и воздействие. Исследование демонстрирует, что помимо неспецифической прагматики вопросы в ритуальной практике реализуют магико-заклинательную функцию речи. Устанавливаются происхождение и функции вопросов космогонических гимнов. Доказывается их поздний характер и переходное положение от магических вербальных действий к функциям компонента в структуре спекулятивных построений.

Ключевые слова: прагматика, речевой акт, вопрос, иллюция, коммуникативные интенции, шаманизм, Ригведа.

Введение

Влияние шаманизма — одного из ранних общечеловеческих явлений — на последующие традиции давно вызывает интерес специалистов. Одним из очевидных объектов таких исследований называют даосизм, аккумулировавший и переосмысливший предшествовавшие представления о духах, природе, душе. Отмечаются отчетливые пережитки шаманизма в европейской культуре (см. Мороз, 1977), установлена связь между представлениями шаманизма и мифологией (см. Пропп, 2001; Леви-Стросс, 2001). В поле зрения современных исследований находятся шаманские черты в индоиранской этнокультурной традиции (см. Запороженко, 2002). Обнаруживается связь между шаманской сакральной деятельностью и культом богов арийских племен, отраженном в Ведах. Отмечают ряд символов, сюжетов, представлений и практик, сближающих ведийскую традицию с евразийским шаманизмом. Это и символизм Мирового Древа, или Мирового Столпа (РВ, III, 8), и мотив экстатического

полета (РВ, X, 136), и концепция «внутреннего жара» (тапас) (РВ, X, 154, 2), и поиск бежавшей души (РВ, X, 58), и употребление психоделика — сакрально значимого напитка (сомы) (РВ, X, 119). В самом слове 'шаманизм' усматривают индийскую этимологию (cf. Eliade, 2004: 495–496).

Самой древней и значительной из Вед является «Ригведа» — собрание гимнов, как правило, предназначенных для исполнения в жертвенных ритуалах и адресованных божественным покровителям индийских ариев. Уникальность «Ригведы» как материала исследования в том, что это не просто древнейший свод текстов индийской культуры, но и последний общеиндоевропейский памятник (см. Елизаренкова, 1993: 3). В целом, это текст генетически развитого жреческого культа политеистических божеств, поклонение которым осуществлялось с целью получения защиты и разного рода благ сообществом верующих. Однако полистадиальный характер памятника указывает на сохранение в развитой ведийской обрядности проявлений архаической сакральной деятельности (в том числе и речевой).

По наблюдению Г. К. Ниорадзе, «цель шаманства — добиться непосредственного общения с духами для того, 1) чтобы шаман был способен ответить на некоторые вопросы, представляющие интерес для него и всех присутствующих; 2) чтобы он просил у них помощи или исполнения обещаний; 3) чтобы шаман силой мог подчинить себе духов» (цит. по: Новик, 2004: 102).

Те же черты коммуникации характерны и для гимнов «Ригведы». Посредством их исполнения участники ритуала устанавливают и поддерживают контакт с духовным миром бессмертных, обращаясь к ним с просьбами о ниспослании благ, наконец, оказывают воздействие (не только на своих покровителей, но и на другие объекты). Последнее находит наиболее яркое проявление в гимнах-заговорах. Представляется, что все перечисленные функции коммуникации воплощаются в вопросительных коммуникативных актах.

Вопросы, как будет продемонстрировано ниже, неотъемлемая черта шаманской вербальной практики. Такое положение дел, по нашему мнению, объясняется некоторыми особенностями воздействия вопросительной формы. Сама структура и интонация вопроса служит усилению высказывания и привлекает к нему внимание. Отмечают сходство и даже приравнивают вопросительные и побудительные речевые акты по иллюкутивной силе, по воздействию на эмоционально-волевую сферу реципиента. Так, Дж. Р. Серль относит вопрос к побудительным речевым актам (директивам). Он считает, что вопрос сближает с побуждением намерение добиться от собеседника ответных действий (cf. Searle, 1976: 53). Интересны наблюдения над более тесной иллюкутивной связью между вопросом и ответом по сравнению с другими речевыми актами (см. Баранов, Крейдлин, 1992: 96). Обращают внимание на то, что правила ведения диалога предписывают в случае получения вопроса выполнение тех или иных действий (вербальных и невербальных), иначе говоря, вопрос вынуждает адресата реагировать. Важно, что даже отсутствие отклика на вопрос нередко получает истолкование в качестве ответа, что хорошо известно даже хранящему молчание собеседнику. Сравните «благородное молчание Будды» в ответ на задаваемые ему вопросы о вечности вселенной. Наконец, отмечается лидирующая и подчиняющая роль участника коммуникации, задающего вопросы. Это связывается с почти универсальным представлением о праве старшего по статусу задавать вопросы (Михальская, 2019: 113).

Вопросительные речевые акты как органическая часть шаманской практики наводит на мысль о том, что вопросительные предложения, отраженные в гимнах «Ригведы», также могут иметь шаманское происхождение. Обращает на себя внимание и вопросно-ответная форма как типичная структурная особенность космологических описаний не только в ведийской, но и в других традициях (Топоров, 1973). В связи с этим представляется уместным поставить вопрос о том, не восходят ли интеррогативные предложения в памятниках, отражающих генетически более развитый жреческий культ, к традициям вербальной практики шаманизма.

Для решения этой проблемы из всего корпуса текстов «Ригведы» в оригинале в результате сплошной выборки нами был извлечен и исследован 601 вопрос. Вопросы выявлялись по отчетливо выраженным в ведийском языке структурно-грамматическим признакам (см. Елизаренкова, 1987: 165). Примеры приводятся в транслитерации (RV, 2019) и в переводе Т. Я. Елизаренковой (РВ, 1989–1999).

1. Прагматика неинтеррогативных вопросов

1.1 Как известно, не все вопросительные по форме речевые акты направлены на запрос информации. Так называемые несобственно-вопросительные предложения разнообразны и широко представлены в текстовом материале «Ригведы». Они составляют более 50 % от общего числа вопросов. Примечательно, что и сами создатели ее гимнов допускают возможность существования вопросов разной коммуникативной прагматики. Так, в ряде случаев подчеркиваются интеррогативные интенции, противопоставляемые иным. Сравните, например, Х, 79, 6:

kiṃ deveṣu tyaja enaścakarthāghne prchāmi nu tvāmaidvān |
Какое насилие, прегрешение ты совершил в отношении богов?
О Агни, я спрашиваю тебя только потому, что не знаю.

Представляется, что отмеченные выше особенности воздействия вопросительной формы широко используются для установления и поддержания контакта, то есть для реализации фатической функции, как в практике шаманизма, так и в гимнах «Ригведы». Важно, что неинтеррогативные вопросы не только способствуют осуществлению коммуникативной функции общения, но и реализации общей магической прагматики действий.

В этом отношении показателен обряд поиска души, ключевым компонентом которого является ее призывание. Сравните материалы шаманской практики у бурят: «Шаман начинает с призыва души: “Твой отец — А, а твоя мать — Б, твое имя — В. Где же ты? Куда ты ушла?... В юрте твоей печаль...” и т. д. Присутствующие обливаются слезами. Шаман долго говорит о страданиях семьи и печали всего дома. “Твои дети спрашивают: где ты, отец наш? Услышь их и смилуйся над ними: вернись!.. Твои кони спрашивают: где ты, наши хозяин? Вернись к нам!” и т. д.» (cit. by: Eliade, 2004: 217–218).

Очевидная цель речевых действий приведенных камланий — побудить душу, покинувшую больного, откликнуться. Кроме прямых директивов вернуться, упоминания близких и вербализации имени, которое трактуется как часть заклинаемого (cf. Frankfort et al., 1946: 13), обращает на себя внимание наличие вопросительных актов, не направленных на запрос информации и не предполагающих содержательного ответа. Действительно, едва ли шаман ожидает, что душа в ответ на вопросы ‘где?’ и ‘куда?’ назовет свое местонахождение. Очевидная интенция таких вопросов — установить контакт и реализовать прагматику поиска — заставить душу обнаружить себя.

Интенция призыва — одна из основных и в прагматике ведийских гимнов, как и содержащихся в них многочисленных неинтеррогативных вопросов. Сравните, например, гимн, где вопрос ‘когда?’ (*kadā*) также не предполагает ответа и имеет целью призвать бога принять участие в ритуале:

aghne kadā ta ānuṣagh bhuvad devasya cetanam |
О Агни, когда же произойдет, как положено,
Твое божественное явление? (РВ, IV, 7, 2).

Сравните также вопросительный по форме призыв божества к помощи с вопросом *где?* (*kva*):

kva sya te rudra mṛṣayākurhasto yo asti bheṣajo jalāṣaḥ |
Где же, о Рудра, эта милостивая
Длань твоя, что есть утоляющее целебное средство? (РВ, II, 33, 7).

Распространены и общие вопросы подобной направленности. Они образуются с помощью вопросительной интенсифицирующей смысл частицы *kuvid* и составляют 6 % от общего числа. Сравните:

etāyātopa ghavyanta indramasmākaṃ su pramatiṃ vāvrdhāti |
anāmṛṇaḥ kuvidādasya rāyo ghavām ketaṃ paramāvarjate naḥ ||
Придите! Мы пойдем к Индре, желая коров:
Да усилит он как следует заботу о нас!
Он, несокрушимый, уж не пренебрежет ли
Крайним стремлением нашим к этому богатству, к коровам? (РВ, I, 33, 1).

1.2 Среди неинтеррогативных вопросов «Ригведы» существенная доля (14 % от общего числа) принадлежит риторическим, то есть имеющим все формальные признаки вопросительных предложений, но выполняющих функции констативов. Обращают на себя внимание экспрессивные особенности таких вопросов, их роль усилителя высказывания. Представляется, что в заговорной практике эти особенности используются для достижения суггестивного эффекта.

В этой связи примечательны и монологи, собранные у чукчей и опубликованные В. Г. Богоразом. Они отражают заговоры против злых духов *кэльэт*. В них моделируются воображаемые меры, якобы принятые для предотвращения нежелательной ситуации. Обращает на себя внимание тот факт, что такие заговоры обычно завершаются констативом, описывающим желаемый результат. В отдельных случаях это вопросительный констатив, то есть риторический вопрос: Характерен вопрос в заговоре перед сном: «Я отрезал левую половину тела собаки и собрал в ладонь собачью кровь. Я сплю в этой крови. **Кто может увидеть, где я сплю? Это все**» (цит. по: Новик, 2004: 123). Вопросительная форма интенсифицирует заговор, представляющий, по мнению Е. С. Новик, своего рода внушение, предназначенное адресату (в данном случае, *кэльэт*): «**Кто может увидеть?**» (= Конечно, никто!)

Подобное завершение заговора характерно и для гимнов «Ригведы». Так, в последних строках гимна-заговора против ведьмы после описания охранительных мер, принятых людьми, риторический вопрос не просто усиливает уверенность, но и способствует реализации заговорных интенций гимна:

Эти (люди) обвели кругом корову, они обнесли кругом огонь.
*Они создали себе славу среди богов. **Кто дерзнет (покуситься) на них?** (= Никто не дерзнет!) (РВ, X, 155, 5).*

1.3 Помимо вопросов-констативов к неинтеррогативным вопросам в «Ригведе» можно причислить многочисленные вопросительные директивы. Такие речевые акты имеют вторичную иллокуцию, и, как правило, служат выражению упрека, раздражения, нетерпения, а также усиливают воздействие. Сравните раздраженные, выражающие нетерпение вопросы-упреки богу:

Что (это) за (бездейтельное) у тебя сидение? Почему ты нас не радуешь? Что же ты не возбудишься для дарения? (РВ, IV, 21, 9).

В «Ригведе» примечательно использование неинтеррогативных вопросов в сочетании с другими интенсификаторами, что повышает градус воздействия. К таким средствам относятся, например, повторы — прием весьма характерный для стиля ведийских гимнов. Сравните, например, гимн-усыпление (РВ, VII, 55, 3–4):

*На вора лай, о сын Сарамы, или на грабителя, о прибегающий назад
Ты лаешь на певцов Индры. **Что ты нам угрожаешь?** Крепко усни!
Растерзай ты кабана, (или) кабан пусть растерзает тебя.
Ты лаешь на певцов Индры. **Что ты нам угрожаешь?** Крепко усни!*

Косвенные вопросительные по структуре речевые акты, имеющие вторичную иллокуцию, находят примеры и в шаманской обрядности. Сравните вопросы-упреки шамана на шестой день праздника *мэдоде* у энцев в рассказе Р. А. Силкина. Вопросы адресованы боже-ству, насылающему женские родовые болезни: «**Что же ты делаешь?** Среди моего народа всего-то только пять женщин. Если они умрут, как же будут размножаться люди?» (цит. по: Новик, 2004: 208). Цель обрядовых действий — устранить женские болезни и добиться плодородия. Вопросительная форма явно призвана усилить вербальное воздействие на боже-ство.

1.4 Очевидным интенсификатором служит музыкально-поэтическая форма гимнов. Музыкально-художественная коммуникация характеризуется единством смысла и формы, размером и особым ритмом, который несет экспрессивную информацию (см. Елизаренкова, 1993). Кроме многочисленных звуковых повторов, служащих достижению эвфонического эффекта, ведийским гимнам свойственно использование метрических единиц и их соединений, определяющих длительность ритмических отрезков и паузы, метр, архитектуру и строфику. Исполнение музыкального текста гимна воплощает заключенный в нем структурированный смысл, а, в соединении с содержательной стороной этого поэтического вербального объекта, способно одновременно передавать информацию на нескольких ярусах: концептуальном и эмоционально-эстетическом. Такое многоканальное использование языковых знаков и художественных образов повышает плотность музыкально-поэтической речи, усиливая эффект воздействия. Примечательно, что в ведийской традиции музыкально-поэтический язык «Ригведы» противопоставлялся обыденной разговорной речи. Очевидно, что такая форма гимна, по мысли создателей, способствовала реализации его магической прагматики.

Шаманские напевы, как известно, также играли важную роль в камланиях, в частности, в призывании духов. Пение шамана от лица духа, как свидетельствуют этнографические данные, противопоставлялось человеческой речи и позволяло присутствующим даже узнавать этот персонаж (см. Новик, 2004, с. 30–31). Шаманское горловое пение характеризуется особым эффектом, производимым на слушателя. Так, у якутов оно создает «иллюзию разнотембрового “сольного двуголосья”» (цит. по: Новик, 2004: 82). Описаны и примеры **вопросания** посредством пения. Так, М. Кастреном засвидетельствовано ритуальное пение томского самодийского шамана. Аккомпанементом служили колокольчики, привязанные к двум стрелам в правой руке шамана. Песни преследовали целью выяснить волю высших сил: «Когда песнь достигает наибольшего напряжения, зрители начинают петь хором. *Получив от своих духов ответы на все вопросы*, шаман останавливается и сообщает людям волю богов» (Eliade, 2004: 227).

1.5 Итак, неинтеррогативные вопросы характерны как для вербальной практики шаманизма, так и для гимнов «Ригведы». В обоих случаях они обеспечивают основные коммуникативные функции: общения (установления и поддержания контакта), сообщения (ср. вопросительные констатиры) и воздействия (управления поведением адресата) и реализуют сходную магическую прагматику как элемент обрядового действия.

2. Прагматика интеррогативных вопросов

2.1 Вопросание духов осуществлялось в ходе гадательных действий — важнейшего и универсального компонента шаманской практики (особенно лечебной). В этом случае задаваемые вопросы носят интеррогативный характер. Они направлены на получение информации о причинах несчастья, способах его преодоления, пожеланиях духов, исходе важных предстоящих событий. Несмотря на большое разнообразие форм гаданий в шаманизме такие вопросы являются их неизменным компонентом (см. Новик, 2004: 88–96).

Многочисленные способы прорицания и гадания практиковали и многие древние традиции с развитым жреческим культом. Как известно, оракул при храме Аполлона в Дельфах пользовался авторитетом не только во всем греческом мире, но и за его пределами. Официальные гадания-ауспиции, основанные на поведении, криках и полетах птиц, осуществляла коллегия авгуров в Древнем Риме. Много способов выяснения скрытой истины, включая экстиспицию — гадание по внутренностям животных, знала Древняя Месопотамия. Эти гадания также предполагали предварительные вопросы, которые адресовались сверхъестественным силам (cf. Oppenheim, 1977: 240). Согласно ведийской традиции, создание гимнов богам приписывается способностям поэтов-риши, получавшим откровения в акте мистического видения. Текст «Ригведы» содержит указания и на гадательную практику, которой посвящены заранее задуманные квеситивы. Сравните:

*Эти (воды) струятся, весело шумя,
Словно перекликаются благочестивые (жены).
Расспроси их, что это они говорят,
Что за скалу-плотину они разбивают.
Говорят ли они ему слова приглашения? (РВ, IV, 18, 6–7).*

Около половины интеррогативов посвящены организации культа божеств и взаимоотношениям с ними. Сравните, например,

*Какая жертва духу твоему приятна и благодатна,
Какой гимн, о Индра, который жрец? (РВ, VI, 21, 4).*

Такие вопросы находят параллели в шаманской практике (см. Новик, 2004: 276).

2.2 Особый интерес в тексте «Ригведы» вызывают так называемые гимны-загадки, близкие жанру *brahmodya*, или *brahmovadya* ('брахманоговорение'), посвященные происхождению мира, поэтической речи, жизни человека, богам, ритуалу и в большей мере свойственные более поздним ведийским текстам (см. Елизаренкова, Топоров, 1984). Очевидно, что содержащиеся в них вопросы имели эвристическую направленность и реализовали познавательные цели ритуала. В конечном счете, выяснение истины в ритуале было направлено на уменьшение сообществом степени неопределенности.

Примечательна отмечаемая исследователями когнитивная функция вопросов, находящая отражение и в современном языке (ср. 'задаваться вопросами' = 'размышлять') (см. Калинина, 2018).

В древних культурах познание осуществлялось посредством мистического откровения. Высказывалось предположение о том, что некоторые из гимнов, содержащих квеситивы, посвящены изложению видений риши. Таково, например, мнение Н. Брауна в отношении знаменитого гимна-загадки (cf. Brown, 1978). Представляется, что вопросы гимна могут носить уточняющий видение характер. Сравните:

*Незрячий — зрячих провидцев об этом
Я спрашиваю, несведущий — чтобы ведать.
Что ж это за Одно в виде нерожденного,
Который установил порознь эти шесть пространств? (РВ, I, 164, 6).*

2.3 Видения предполагают измененные состояния сознания. Связанная с ними техника прорицания была широко распространена в древних культурах с развитой обрядностью (ср. дельфийскую пифию, кумскую сивиллу и пр.) В ведийском ритуале практиковалось употребление психоделического напитка (сомы).

Измененные состояния широко применялись и в шаманизме, и в близких ему прорицательных практиках в целях получения сведений у духов. Сравните «хмельные голоса» у ненцев и «винные голоса» у айнов. У нганасан пьяные приравнивались к прорицателям, их разговоры воспринимались как пророчества. Сходное толкование получала вербальная деятельность под влиянием употребления галлюциногенных грибов у коряков. Вокруг «мухоморного опьянения» у палеоазиатов Камчатки и Чукотки сложилась богатая мифология. Получила распространение и сновидческая предсказательная практика (см. Новик, 2004: 132–133).

2.4 По-видимому, вопросы в гимнах, излагающих откровения прорицателей, близки вопросам космогонических гимнов, предлагающих системную мифологическую модель мира и носящих спекулятивный характер. Влияние архаической гадательной практики на становление и развитие философской мысли отмечается и для других культур. Это, например, наглядно демонстрирует судьба китайской «Книги перемен», наиболее ранний слой которой предназначался для гаданий. Ее текст на протяжении более 25 столетий «вдохновлял крупнейших китайских мыслителей» (Щуцкий, 1997: 101–102).

Несмотря на то, что указания на представления о творении и устройстве мироздания встречаются во всех книгах «Ригведы», специфический жанр космогонического гимна характерен для самой поздней по времени возникновения X мандалы.

Важно упомянуть, что прагматика ритуальных действий, включая вербальные, предполагала непосредственное участие человека в ежегодных космических событиях обновления вселенной и воссоздания порядка из хаоса, в который погружается мир.

Подобные практики характерны и для шаманизма. Примером таких ежегодных действий может служить обряд *икэнипкэ* (букв. ‘жизнь’ + ‘подражание’ + ‘обряд’), записанный в 1930 г. у сымских эвенков. Обряд представлял собой коллективный хоровод, имитировавший погоню за космическим оленем. Драматическое действие продолжалось восемь дней и возглавлялось шаманом и его духами. Интересен первый день, носивший название *илбэдэкич* (‘вспугивание зверя’), во время которого шаман пел об изготовлении ему костюма, а присутствующие изображали эту работу, но совершали все действия в обратном порядке. Действия прерывались тем, что шаман и две пожилые участницы вскакивали. Последние начинали петь и выкрикивать некие отсутствующие в современном языке слова, толковавшиеся участниками как стадии становления земли (Василевич, 1957).

2.5 Обращают на себя внимание характерные для космогонических гимнов «Ригведы» вопросы. Такие вопросы являются типичной структурной особенностью космогонических описаний различных этнокультурных традиций (см. Топоров, 1973: 119). Вопросно-ответная форма сохраняется и в раннеисторических описаниях, где приобретает характер стилистиче-

ского приема (Топоров, 1973: 125). Та же особенность характерна и для более поздних спекулятивных текстов, принадлежащих древнеиндийской традиции, например, для упанишад. Ср., например, Чхандогья-упанишаду I, 1, 4–7 (Уп.) Широкая распространенность вопросно-ответной структуры в космогонических описаниях и ее «деградация» и исчезновение в поздних памятниках приводит к предположению об особых диалогических (магических по прагматике) функциях вопросов в ритуальных космогонических текстах.

Любопытна тенденция экспликации в космогонических гимнах ответов на вопросы. Представляется, что уже сам этот факт указывает на неинтеррогативные функции таких вопросов. Сравните гимн о сотворении мира из тела космического гиганта Пуруши (*puruṣa*):

*Когда Пурушу расчленили, на сколько частей разделили его?
Что его рот, что руки, что бедра, что ноги называются?
Его рот стал брахманом, (его) руки сделались раджанья,
(То,) что бедра его, — это вайшья, из ног родился шудра.
Луна из (его) духа рождена, из глаза солнце родилось.
Из уст — Индра и Агни. Из дыхания родился ветер.
Из пупа возникло воздушное пространство,
Из головы развилось небо, из ног — земля, стороны света — из уха.
Так они устроили миры (РВ, X, 90, 11–14).*

В знаменитом космогоническом гимне, известном как «Песнь творения» (РВ, X, 129), ответы отсутствуют. Однако представляется, что они имплицитуются благодаря не только смысловым, но и звуковым аллюзиям (см. Воронкина, 2019: 34). Вопросы имплицитуют уподобление космологии эмбриональному развитию, что весьма характерно для ведийской мифологии (cf. Kuiper, 1997). Сравните:

tiraścīno vitato raśmireṣāmadhaḥ svidāsī.a.a.at |
Поперек был протянут их шнур.
Был ли низ? Был ли верх? (X, 129, 5).

Примечательно, что гимны позднейшей X мандалы отмечены усилением заговорной направленности. Вербальная ритуальная магия основана на представлении о творческой силе священного слова. Появлению космогонических гимнов X мандалы по времени создания соответствует оформление концепции божественной речи как персонификации космогонической силы (ср. гимн РВ, X, 125 «К священной речи Вач»). Данное обстоятельство наводит на мысль о космогонических интенциях исполнения поздних гимнов.

Изменения в прагматике вопросительных коммуникативных актов объясняются отмечаемой эволюцией ритуальной практики. Деятельность поэтов-риши — легендарных создателей гимнов, носила познавательный характер, однако со временем ритуал получает трактовку магического средства подчинения богов воле осуществлявшего его наследственного профессионального жреца (cf. Basham, 2004: 260).

Интересен гимн, перечисляющий деяния неизвестного бога-творца *Ka* (букв. ‘кто?’). В гимне 10 раз в конце каждого стиха повторяется вопрос без ответа:

kasmai devāyahaviṣā vidhema —
Какого бога мы почтили жертвенным возлиянием? (РВ, X, 121).

Лишь последний десятый стих, как отмечает Т. Я. Елизаренкова, несомненно, добавленный позднее, называет имя бога, которым оказывается Праджапати:

*О Праджанати! Никто, кроме тебя, не охватил все эти существа.
С каким желанием мы совершаем тебе возлияния, да сбудется оно для нас!
Какого бога мы почтили жертвенным возлиянием? (РВ, X, 121, 10).*

Представляется, что позднейшее добавление ответа на вопросы гимна свидетельствует об упомянутой эволюции ведийского ритуала. Вполне вероятно, что на ранних стадиях вопросы гимна носили эвристический характер (выяснялось имя), но со временем интенции изменились. Обращает на себя внимание экспликация в позднем стихе пожелания, что также свидетельствует о трансформации коммуникативной интенции гимна из познавательной в заговорную.

2.6 Ещё одной отмечаемой особенностью гимнов X мандалы является усиление их диалоговой направленности, придающей им характер мистерий. Упомянутая черта в совокупности с тенденцией к манипулятивному управлению поведением божеств и развитием концепции творческой силы речи приводит к выводу о том, что адресатом оставленных без ответов вопросов космогонических гимнов полагался кто-то из бессмертных. От божества мог ожидатьсь ответ как вербальный вклад в космогонию: его слово оплотнялось в воссоздаваемом в ритуале мире. Сравните евангелие от Иоанна: «Слово было у Бога...» (I, 1).

Драматизация диалогов, типичная для гимнов X мандалы, наводит на мысль о возможном провозглашении ответов от лица божества участниками действа. Примечательно, что в других ведийских текстах ответы на подобные вопросы озвучиваются одним из жрецов (брахманом), который эксплицитно называется воплощением бога Брихаспати (ср. TS, III, 9, 5) и «высшим небом речи» (ППДВ — Ваджасаней-Самхита, XXIII, 62).

В вербализации ответов жрецом за/вместо божества заметны следы весьма характерной шаманской практики — одержимости — способности шамана вселять в свое тело духов. Несмотря на неинтеррогативный характер вопросов, инсценировка в ритуале вопрошания духов/богов посредством одержимости шамана/жреца предстает реминисценцией на более раннюю практику, целью которой было получение неизвестных заранее ответов.

Заключение

Итак, анализ коммуникативных интенций вопросов, представленных в гимнах «Ригведы», позволил выделить несколько типов вопросительных речевых актов, находящихся параллели в речевой практике шаманизма. В обоих случаях вопросы носят собственно-вопросительный либо неинтеррогативный характер.

В результате проведенного исследования было доказано, что помимо неспецифической прагматики вопросы обрядовой практики способствуют осуществлению магико-заговорной функции. Направленность вопросов «Ригведы» на реализацию общей обрядовой прагматики, совпадающей с шаманской (призыв, заговор, гадание, космогония и пр.), позволяет рассматривать их как важный элемент шаманизма, сохранившийся в ведийских текстах.

Историко-генетический анализ текстового материала «Ригведы» позволил установить, что вопросы космогонической тематики представляют собой относительно позднее явление, носящее переходный характер от жанра откровения к спекулятивным изложениям. Сделанные наблюдения приводят к предположению о том, что вопросительные коммуникативные акты космогонических гимнов могли выполнять магическую функцию и были направлены на побуждение божества к вербализации заранее известных ответов в целях осуществления ритуальной космогонии в ходе исполнения гимнов. Имитируемый жрецом акт одержимости божеством-реципиентом вопросов служит указанием на раннюю шаманскую практику вопрошания духов.

К перспективам исследования следует отнести необходимость выявления и изучения вопросительных речевых актов космогонических обрядов на материале шаманской практики.

Список литературы:

- Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е.** Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // *Вопр. языкознания*. 1992. № 2. С. 84–99.
- Василевич Г. М.** Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков // *Сб. музея антропологии и этнографии АН СССР*. Т. 17. 1957. С. 151–185.
- Воронкина М. А.** Иллокутивная функция вопросов в гимне «Ригведы» *bravavrttam* // *Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика*. 2019. Т. 8. № 4. С. 32–37.
- Елизаренкова Т. Я.** Веды́йский язык. М., 1987.
- Елизаренкова Т. Я.** Язык и стиль ведийских риши. М.: 1993.
- Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н.** О ведийской загадке типа *brahmodya* // *Паремиологические исследования*. М., 1984. С. 14–46.
- Запорожченко А. В.** Элементы шаманизма в индоиранской этнокультурной традиции: Автореф. ... канд. ист. наук. Омск, 2002.
- Калинина А. А.** Вопросительные предложения как текстообразующее средство (на примере публицистического текста-рассуждения) // *Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура*. 2019. № 2. С. 82–86.
- Леви-Стросс К.** Структурная антропология = *Anthropologie structurale*. М., 2001.
- Михальская А. К.** Сравнительно-историческая риторика. М., 2019.
- Мороз Е. Л.** Следы шаманских представлений в эпической традиции Древней Руси // *Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами*. Л., 1977. С. 64–73.
- Новик Е. С.** Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М., 2004. ППДВ — Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973.
- Пропп В. Я.** Исторические корни волшебной сказки. М., 2001.
- РВ — Ригведа: [В 3 т.] / пер. Т. Я. Елизаренковой. М., 1989–1999.
- Топоров В. Н.** О космологических источниках раннеисторических описаний // *Труды по знаковым системам*. Вып. 6. Тарту, 1973. С. 106–150.
- Уп. — *Упанишады* / пер. с санскр. А. Я. Сыркина. М., 2000.
- Щуцкий Ю. К.** Китайская классическая «Книга перемен». М., 1997.
- Basham A. L.** *The Wonder that was India*. L.: Picador, 2004.
- Brown W. N.** *India and Indology*. New-Delhi, 1978.
- Eliade M.** *Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy*. Princeton, 2004.
- Frankfort H., Frankfort H. A., Wilson J. A., Jacobsen T.** *Before philosophy. The intellectual adventure of ancient man*. Chicago, 1946.
- Kuiper F. B. J.** *Selected writings on Indian linguistics and philology*. Amsterdam, 1997.
- Oppenheim A. L.** *Ancient Mesopotamia: portrait of a dead civilization*. Chicago, London, 1977.
- Searle J.** *Speech Acts // Syntax and Semantics*. 1976. Vol. 3.
- RV — *The Rig Veda in Sanskrit*. URL: <https://www.sacred-texts.com/hin/rvsan/> (дата обращения 11.10.2019).
- TS — *The Veda of the Black Yajur School Entitled Taittiriya Sanhita* / transl. by A. B. Keith. Delhi, Varanasi, Pathna, 1914.

Воронкина Маргарита Алексеевна, кандидат философских наук, доцент.

Донской государственный технический университет.

Пл. Гагарина, д. 1. г. Ростов-на-Дону, Ростовская область, 344000.

E-mail: voronkina_m@mail.ru

Материал поступил в редакцию 04 июля 2020 г.

M. A. Voronkina

**INTERROGATIVE SPEECH ACTS AS RELICT MANIFESTATION
OF SHAMANIC PRACTICE IN MONUMENTS OF PRIESTLY CULT
(ON DATA OF THE RIGVEDA AND SIBERIAN SHAMANISM)**

The subject of the study is interrogative speech acts which appear to be one of the markers of the shamanic ritualism. The research work was carried out on the linguistic data of the Rigveda genetically traced to the times of Proto-Indo-European unity and in the range of traits typologically relevant to the Eurasian shamanism. The author raises the issue if the questions presented in the monuments of developed priestly cult refer to the shamanic verbal practice. The achievement of the outlined objective was provided by solving such research problems as description and analysis of different types of interrogative speech acts of the Rigveda, revealing their communicative intentions in the context of hymns and ritual practice. In the paper the functional analysis of interrogative speech acts is productively complemented with appealing to approaches and data of such scientific disciplines as communication studies, pragmalinguistics, history, ethnography, folklore and religion studies. In addition to the descriptive method as well as the contextual analysis and the statistical technology the author makes use of comparative analysis of the published ceremonial material of shamanism. Historical and genetic analysis of the text of the Rigveda also finds its application in the study. The author elicits that both in shamanic activity and in the Vedic hymns questions fulfil general functions of communication: message, interaction and impact. The paper demonstrates that apart from nonspecific pragmatic the questions in ceremonial practice objectivate the magical and invocatory speech function. Light is thrown upon the genesis and functions of questions of the cosmogonic hymns.

Key words: *pragmatics, speech act, interrogation, illocution, communicative intention, shamanism, the Rigveda.*

References:

- Baranov A. N., Kreydlin G. E.** Illokutivnoe vyznuzhdenie v structure dialoga [Illocutionary force the structure of dialogue] // Topics in the study of languages. 1992. No. 2. Pp. 84–99. (in Russian).
- Vasilevich G. M.** Drevnie okhotnich'i i olenevodcheskie obryady evenkov [Ancient hunters' and reindeer herders' ceremonies of the Evenkis] // Sbornik muzeya antropologii i etnografii AN SSSR [Collection of Museum of Anthropology and Ethnography of Academy of Sciences of the USSR]. Vol. 17. 1957. Pp. 151–185. (in Russian).
- Voronkina M. A.** Illokutivnaya funktsiya voprosov v gimne «Rigvedy» *bravavrttam* [Illocutionary Force of Questions in Hymn of “Rigveda” Bravavrttam] // Scientific Research and Development. Modern Communication Studies. 2019. Vol. 8. No. 4. Pp. 32–37. (in Russian).
- Elizarenkova T. Ya.** Vedit'skiy yazyk [The Vedic language]. M., 1987. (in Russian).
- Elizarenkova T. Ya.** Yazyk i stil' vedit'skikh rishi [Language and style of the Vedic rsis]. M., 1993. (in Russian).
- Elizarenkova T. Ya., Toporov V. N.** O vedit'skoy zagadke tipa Brahmodya [On Vedic puzzle kind of brahmodya] // Paremiologicheskiye issledovaniya [Paroemiological Researches]. M., 1984. Pp. 14–46. (in Russian).
- Zaporozhchenko A. V.** Elementy shamanizma v indoiranskoy etnokul'turnoy traditsii [Elements of shamanism in Indo-Iranian ethnocultural tradition]. Abstract of Hist. Cand. Diss. Omsk, 2002. (in Russian).
- Kalinina A. A.** Voprositel'nye predlozheniya kak tekstoobrazuyushee sredstvo (na primere publitsisticheskogo teksta-rassuzhdeniya) [Interrogative sentences as a text-forming means (on the example of public text-discussion)] // Bulletin of BSU. Language. Literature. Culture. 2019. No 2. Pp. 82–86. (in Russian).
- Lévi-Strauss C.** Strukturnaya antropologiya [Structural anthropology] = Anthropologie structurale. M., 2001. (in Russian).
- Mikhalskaya A. K.** Sravnitel'no-istoricheskaya ritorika [Comparative-historical rhetoric]. M., 2019. (in Russian).
- Moroz E. L.** Sledy shamanskikh predstavlenii v epicheskoy traditsii Drevney Rusi [Remains of shamanic concepts in the epical tradition of Ancient Russia] // Fol'klor i etnografia. Svyazi fol'klora s drevnimi predstavleniyami i obryadami [Folklore and ethnography. Links of folklore with ancient concepts and ceremonies]. L., 1977. Pp. 64–73. (in Russian).
- Novik E. S.** Obryad i fol'klor v sibirskom shamanizme: Opyt sopostavleniya struktur [Ceremony and folklore in Siberian shamanism. Experience of comparison of structures]. M., 2004. (in Russian).

- Poeziya i proza Drevnego Vostoka. [Ancient East Poetry and Prose]. M., 1973. (in Russian).
- Propp V. Ya.** Istoricheskie korni volshebnoy skazki. [Historical roots of fairy tale]. M., 2001. (in Russian).
- Rigveda: [In 3 vols.] / transl. by T. Ya. Elizarenkova. M., 1989–1999. (in Russian).
- Toporov V. N.** O kosmologicheskikh istochnikah ranneistoricheskikh opisaniy [On the cosmological sources of early historical descriptions] // Trudy po znakovym sistemam, 6 [Works on sign systems, 6]. Tartu, 1973. Pp. 106–150. (in Russian).
- Upanishady [Upanishads] / trans. from Sanskrit by A. Ya. Syrkin. M., 2000. (in Russian).
- Shchutskii Yu. K.** Kitaiskaya klassicheskaya «Kniga peremen» [Chinese Classical «Book of changes» (Yi Ching)]. M., 1997. (in Russian).
- Basham A. L.** The Wonder that was India. L.: Picador, 2004.
- Brown W. N.** India and Indology. New-Delhi, 1978.
- Eliade M.** Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy. Princeton, 2004.
- Frankfort H., Frankfort H. A., Wilson J. A., Jacobsen T.** Before philosophy. The intellectual adventure of ancient man. Chicago, 1946.
- Kuiper F. B. J.** Selected writings on Indian linguistics and philology. Amsterdam, 1997.
- Oppenheim A. L.** Ancient Mesopotamia: portrait of a dead civilization. Chicago, London, 1977.
- Searle J.** Speech Acts // Syntax and Semantics. 1976. Vol. 3.
- The Rig Veda in Sanskrit. URL: <https://www.sacred-texts.com/hin/rvsan/> (accessed 11.10.2019).
- The Veda of the Black Yajur School Entitled Taittiriya Sanhita / transl. by A. B. Keith. Delhi, Varanasi, Pathna, 1914.

Voronkina Margarita Alexeevna, candidate of philosophy, associate professor.

Don State Technical University.

1 Gagarin sq., Rostov-on-Don, Russia, 344000.

E-mail: voronkina_m@mail.ru